

# ВЕЧНАЯ ЗЕМЛЯ

Н О В Е Л Л А



ДЕРЯБОВ ЮРИЙ

16+

Юрий Дерябов

**Вечная Земля**

«Автор»

2026

**Дерябов Ю.**

Вечная Земля / Ю. Дерябов — «Автор», 2026

На борту корабля «Вечная Земля», летящего к другой звезде уже два века, есть только один урок, который никогда не меняется: история любви учительницы Авроры и инженера Александра. Дети повторяют его как молитву, взрослые — как утешение. Но однажды Александр замечает, что привычная пауза перед смехом жены исчезла. Всего на три четверти секунды. И этого достаточно, чтобы усомниться в том, что казалось единственной несомненной вещью на корабле.

© Дерябов Ю., 2026

© Автор, 2026

# Юрий Дерябов

## Вечная Земля

### ВЕЧНАЯ ЗЕМЛЯ

*новелла*

#### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УРОК

##### Глава 1. Урок

По третьему контуру утром гоняли пар для продувки труб, и запах — нечто среднее между кипятком и свежесрезанной травой — успевал расползтись по всем ярусам ещё до общего подъёма. Дети окрестили его «утренним чаем Вечки», и прозвище прижилось так прочно, что почти вытеснило официальное имя. «Вечная Земля» — так корабль звался на переборках, в судовом журнале и в текстах редких годовщин. Всё остальное время, два века с лишним подряд, его звали просто Вечкой — тем ласковым сокращением, каким называют состарившегося родственника, давно забыв, что у него есть полное имя.

Без четверти Аврора уже стояла у входа в класс. Тридцать два лица поднялись разом, стоило ей переступить порог, — привычка, вбитая годами повторения, а не всплеск почтения. Она прошла к своему месту у стены, рядом с индикатором жизнеобеспечения. Ровный зелёный свет горел там столько же, сколько она себя помнила, и, садясь, она привычно скользнула по нему взглядом — так скользят взглядом по часам, вовсе не собираясь узнавать время.

— Кто скажет мне, что такое любовь?

Лес рук взметнулся мгновенно. Она указала на девочку во втором ряду — новенькую, ещё не выучившую темп класса.

— То, что нам досталось по праву рождения?

— Почти, — сказала Аврора и выдержала половину секунды тишины, прежде чем кивнуть остальным.

— Это то, что мы выбираем заново каждый день! — выдохнул хор, вразнобой, но узнаваемо.

Смысл этих слов Аврора давно не слышала: он истёрся в её ушах до чистого звука, и единственное, что она теперь различала, — совпадает ли этот звук с общим ритмом класса. В это утро совпало на три четверти. Для понедельника — неплохой результат.

У двери, скрестив руки, стоял Александр.

— А вот у меня было по-другому, — сказал он, отталкиваясь плечом от косяка. — Меня, например, никто не выбирал два месяца.

По рядам прокатился смех — привычный, ритуальный: историю про калибровку резонанса третьего контура класс слушал уже третий год подряд и знал её лучше таблицы умножения.

— Она сказала мне тогда: «Вы слушаете двигатель не так, как слушают проблему. Вы слушаете его так, как слушают то, что боитесь потерять». — Он развёл руками. — И знаете что? Она оказалась права. Просто тогда я думал, что боюсь потерять контур.

Зоя с третьей парты подняла руку не по сценарию.

— А если подбор... — она опустила взгляд на собственные пальцы. — Если совсем не совпадёт? Тогда что выбирать?

В классе стало тише, чем требовал сам вопрос.

— Подбор не о том, что он тебе покажет, — Аврора присела на край стола, ближе к уровню глаз девочки. — Подбор о том, что вы построите дальше. Это разные вещи, хотя нам всё время хочется свести их к одной.

— А у вас с ним, — Зоя кивнула на дверь, где стоял Александр, — тоже был подбор?

— У нас, — вставил он раньше, чем Аврора успела ответить, — не было ничего, кроме двигателя и обходного листа. Подбор придумали позже — для тех, кому одного двигателя может не хватить.

Класс снова засмеялся, и неловкий момент прошёл, как проходят все неловкие вопросы в хорошо отрепетированном уроке: без следа, без шва.

После звонка Аврора на секунду задержала взгляд на индикаторе. Зелёный свет. Всегда зелёный. Мысль скользнула мимо, не зацепившись ни за что.

Она заметила, что Александр смотрит на неё чуть дольше обычного. Значения этому она не придавала.

• • •

Раз в год, в один и тот же день по корабельному календарю, Аврору и Александра разводили по разным кабинетам на годовую проверку. Между собой инженеры звали её «годовой»; в протоколе значилось иначе — «диагностика личностного паттерна, годовой цикл».

Молодая женщина-техник, третий год занимавшая эту должность, крепила контакты к вискам Авроры с той осторожностью, с какой берут в руки нечто хрупкое.

— Дышите ровно, — произнесла она, хотя дыхание к результатам диагностики не имело никакого отношения: фраза досталась ей в наследство от медицины, которой на корабле когда-то пользовались настоящие врачи для настоящих тел.

На экране бежали колонки цифр. В самом начале, много лет назад, Аврора спрашивала, что означает каждая колонка. Ей объясняли. Она забывала. Со временем вопросы иссякли сами собой — так иссякает любопытство к пейзажу за окном, если окно всегда показывает одно и то же.

— Всё в норме, — сказала техник спустя сорок минут. — Небольшое смещение в блоке эмоционального отклика, в пределах допуска. Вмешательства не требуется.

— В какую сторону смещение?

— В пределах допуска, — мягко повторила техник, словно это и было ответом на заданный вопрос.

В соседнем кабинете то же самое проделывали с Александром. Его техник, пожилой Струг, служил на этой должности так давно, что успел состариться вместе со всем кабинетным оборудованием. Лишних слов он не тратил никогда, и Александру это в нём нравилось больше всего остального.

— Готово, — сказал Струг, снимая контакты. — В пределах допуска. Как всегда.

— Как всегда, — эхом отозвался Александр.

Вечером они сравнили результаты между супом и хлебом, не отрываясь от тарелок.

— Как прошло?

— В пределах допуска, — ответила Аврора и улыбнулась ровно так, как улыбалась обычно после годовой: немного устало, немного иронично — сама фраза, казалось, заслуживала лёгкой насмешки.

Александр кивнул. За два века с лишним привыкаешь ко многому, включая невозможность что-либо проверить самому. Но в этот раз его настигла мысль, прежде не приходившая в голову: а что, если однажды «в пределах допуска» перестанет быть правдой? И как это вообще будет выглядеть — снаружи, для него, для неё?

Он отпустил мысль, как отпускают инструмент обратно в ящик после смены. Не насоем. Просто до следующего раза, когда он понадобится.

## Глава 2. Глух

Мало кто из нынешнего экипажа помнил, что учителем Аврора стала не сразу. В первые годы полёта она значилась инженером сопровождения: обходила технические отсеки, вела первичную диагностику неполадок, прежде чем те успевали перерасти в нечто серьёзное. Долж-

ность позже упразднили за ненадобностью — корабль обрастал системами точнее и терпеливее человеческого глаза, и обходчики стали лишним звеном.

От тех лет у неё осталась не столько память о конкретных случаях, сколько тяжесть в правой руке — призрак планшета для обходных листов, который она носила годами. Осталась привычка класть ладонь на кожух и ждать, пока металл сам не подскажет, в чём дело. Осталось лёгкое, почти брезгливое раздражение на инженеров, которые сперва чинили панель и только потом, если вообще, задумывались, что в ней сломалось.

Ей было немногим больше двадцати, когда её впервые отправили одну осматривать вентиляционный узел второго яруса. Узел третий день гудел неправильно, и трое инженеров до неё поставили один и тот же диагноз: «в пределах нормы», — приборы не находили отклонений. Аврора просидела рядом два часа, положив ладонь на кожух, ничего не делая, только слушая. На исходе второго часа она различила то, чего не уловил ни один прибор: тень задержки в такте перед каждым третьим оборотом, едва заметную, как сбившийся на долю секунды пульс. Она доложила. Ей не поверили — цифры на приборах были чисты. Через неделю узел встал намертво, и разборка показала именно ту неисправность, которую она называла с самого начала.

С того случая за ней закрепилась репутация человека со странным, ничем не измеримым слухом. Этот слух пережил и переход из коридоров в класс — просто сменил предмет. В голосах учеников она теперь подмечала то же дрожание тона, каким прежде выдавал себя неисправный контур: короткую заминку, куда охотнее прячется недосказанное, чем в любые произнесённые вслух слова.

Когда техник на годовой произносила «смещение в пределах допуска», Аврора слышала за этой фразой ровно то же дрожание, что когда-то слышала в неисправном контуре: знак того, что сказанное правдиво лишь отчасти.

Иногда, в минуты, о которых она никому не рассказывала, ей казалось: где-то на дне памяти по-прежнему существует инженер сопровождения — и эта часть её наблюдает за учительницей с тем же профессиональным вниманием, с каким прежде следила за приборной панелью, не выпуская из внимания ни одной задержки в такте.

• • •

Дед начал учить Александра слушать турбину, когда тому было лет девять: сажал рядом с панелью третьего контура, клал его ладонь на холодный металл кожуха и подолгу молчал, прежде чем произнести хоть слово.

— Что слышишь? — спрашивал он наконец.

— Гудит, — отвечал маленький Александр.

— Это не ответ. Слушай дальше.

Месяцы спустя мальчик различил под ровным гулом крошечную, едва уловимую заминку — тень сбоя, которого приборы ещё не показывали.

— Вот теперь слышишь, — сказал дед с гордостью, какую не выражают словами чаще одного раза за всю жизнь. — Прибор покажет этот сбой через неделю. Хороший инженер слышит его сегодня. Это не дар, Саша. Это годы рядом с одним и тем же металлом — пока металл не станет продолжением твоего собственного уха.

Александр вспомнил этот урок много десятилетий спустя, стоя перед той же панелью уже взрослым: слух, поставленный дедом, за долгие годы обратился не только на турбину. Ремесло у него, в отличие от Авроры, никогда не становилось прошлым — оно оставалось живой ежедневной практикой, и потому его версия происходящего с женой с самого начала отличалась от её собственной. Аврора воспринимала перемену как сбой в области, которую сама плохо контролировала. Он слышал её на родном языке металла и заминок, том самом, которому его выучил дед у панели третьего контура.

Этим же слухом, обращённым внутрь, он уловил и первую пропавшую паузу — задолго до того, как решился признать словами, что она вообще пропала. Слух давал ему странное преимущество перед всеми остальными участниками этой истории: он мог диагностировать симптом с точностью, недоступной больше никому на корабле. Но диагностика не открывала доступа к причине. Причина лежала в архивных слоях, куда его слух, при всей остроте, не мог дотянуться без соответствующего допуска, — а вовсе не в турбине, которую он знал наизусть.

Дед не учил его, что делать с диагнозом, до которого нельзя дотянуться руками. Этому уроку было неоткуда взяться — в мастерской, где прошло его детство, такой неисправности попросту не бывало.

### Глава 3. Дома

Вечер у них выглядел всегда примерно одинаково. Аврора возвращалась из класса, снимала верхний слой одежды, пропахший мелом и вентиляционным хлорофиллом, и перед ужином спрашивала конкретно — про панель, про контур, про гайку, с которой он воевал накануне, — обходя дежурное «как прошёл день».

Он рассказывал — обычно с преувеличенным драматизмом, забавным именно потому, что оба знали: драматизм наигранный. Она слушала внимательно даже те подробности, которые слышала уже сотню раз в разных вариациях, — повтор их не обесценивал.

В какой-то момент, не по расписанию, просто когда между двумя репликами становилось тихо, она клала голову ему на плечо, не говоря ни слова, — и оба замолкали, слушая ровный гул вентиляции, пока один из них не произносил что-нибудь незначительное, возвращающее разговор на прежние рельсы.

Однажды он рассказывал что-то совсем проходное про засорившийся клапан и остановился на середине фразы — просто чтобы посмотреть, как она щурится от удовольствия при особенно смешной детали. Она то ли не заметила паузы, то ли заметила и не подала виду: дала ему время насмотреться, прежде чем спросить, почему он замолчал.

Именно в такой паузе, в молчании на плече, помещалась большая часть того, что он назвал бы счастьем, спроси его кто-нибудь напрямую. Не в словах урока, рассказанного детям в тысячный раз. Здесь, между клапаном и следующей репликой.

• • •

Ссорились они редко, и почти всегда из-за одного и того же: Александр складывал инструменты не туда, куда полагалось по заведённому Авророй порядку.

— Он лежал здесь три года, — Александр переложил разводной ключ обратно на полку у входа, откуда Аврора только что убрала его в ящик. — Здесь удобно. Я беру его по десять раз на смену.

— А я о него спотыкаюсь по десять раз на смену, — ответила она, не поднимая головы от штопки. — Ящик в двух шагах.

— Ящик скрипит на весь отсек.

— Так почини скрип. Ты инженер или кто?

— Я инженер турбин, а не скрипучих ящиков.

Она подняла на него взгляд — не сердитый, скорее оценивающий, каким смотрят на человека, чей довод технически безупречен и оттого ещё более раздражающий.

— Знаешь, что говорила мне мать, когда я маленькой спорила с ней из-за похожей ерунды? Не путай то, за что стоит бороться, с тем, что просто первым попало под руку.

— А ты сейчас путаешь?

— Не знаю, — призналась Аврора неожиданно честно, откладывая штопку. — Может, дело вообще не в ключе.

Александр помолчал, держа ключ в руке.

— У меня тоже такое чувство. Что дело не в ключе. Просто не знаю, в чём именно.

Оба посмотрели на злополучный инструмент так, словно тот мог ответить за них двоих. Не ответил. Александр, пожав плечами, убрал ключ в ящик; тот скрипнул точно так же противно, как всегда.

— Вот. Твоя взяла. Пока.

— Пока, — согласилась она, и оба одновременно, не сговариваясь, чуть заметно улыбнулись: спор был тут ни при чём — оба знали, что ключ вернётся на полку в течение недели, и всё начнётся заново.

#### **Глава 4. Тишина**

Пропажу он впервые заметил всерьёз после шутки про соседний отсек хранения — заметил настолько, что запомнил день недели. Раньше в этом месте Аврора всегда чуть наклоняла голову вбок ровно на полсекунды раньше смеха: жест, который он никогда не называл вслух, потому что назвать его значило бы признать, что он на него смотрит.

В тот вторник наклона не случилось. Смех был — тот же самый, тем же голосом, в том же месте фразы. Но полсекунды исчезли, вырезанные из плёнки аккуратным, невидимым монтажом.

Он промолчал. Сказать вслух означало превратить ощущение в факт, а факт — в проблему, требующую решения, к которому он пока не был готов.

На следующий день он проверил снова, уже нарочно: рассказал ту же шутку теми же словами, в то же время суток, стоя в том же углу кухни. Смех пришёл. Наклон — нет.

К концу недели он вёл счёт, хотя сам себе в этом не признавался: список мелочей, прежде случавшихся сами собой, а теперь требующих усилия, чтобы заметить их отсутствие. Рука по-прежнему ложилась ему на предплечье, когда он рассказывал про плохой день, — только раньше она задерживалась на секунду, на две, а теперь просто касалась и уходила дальше.

Он попытался свести всё это к списку функций: приветствие выполнено, утешение выполнено, внимание к его дню выполнено. Ничего не пропущено — а значит, не к кому было идти с жалобой. Жалоба прозвучала бы так: «она делает всё то же самое, просто чуть быстрее», — и любой инжир на корабле имел бы полное право рассмеяться ему в лицо.

Сам себе он не смеялся только потому, что помнил разницу между «чуть быстрее» и тем, что было раньше. А раньше — теперь это стало видно отчётливо — она никогда не торопилась именно с ним. С другими да: ровно настолько внимательна, насколько требовал момент, не больше. С ним неизменно выходило за рамки требуемого. Вот этот излишек и пропал.

К началу третьей недели он бросил считать: список давно обогнал его, разрастаясь быстрее, чем он успевал его вести.

• • •

Руку он порезал второпях, вскрывая застрявшую панель в техническом коридоре четвёртой палубы, куда полез сам, без вызова, — обычная неосторожность тут была ни при чём: физическая работа в последние недели помогала лучше, чем разговоры с самим собой.

Аврора достала из шкафа старую жестяную коробку и молча начала бинтовать.

— Больно? — спросила она, не отрывая глаз от бинта.

— Терпимо.

Бинт разматывался медленно, виток за витком, и взгляд Александра скользнул мимо собственной руки — на её пальцы: ровные, уверенные, помнящие эту процедуру так же твёрдо, как два века назад, когда приходилось бинтовать раны, каких спешка не оставляет, — настоящие раны настоящих аварий.

— Держи крепче, — сказала она, когда он попытался повернуть кисть неудобно. — Не дёргай, я почти закончила.

— Слушаюсь, — попробовал улыбнуться он, но улыбка вышла кривее, чем рассчитывал.

Она закончила, разгладила край бинта большим пальцем. Раньше в этом месте она обычно добавляла что-то ещё: короткую шутку про его неаккуратность или просьбу быть осторожнее, сказанную с интонацией, значившей больше самих слов. Сейчас — ничего.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответила она. В этом «не за что» холодности не было — было кое-что похуже: точность. Похоже, она в самом деле оценила ситуацию и решила, что благодарить не за что, потому что действие было чисто функциональным.

Он остался сидеть с забинтованной рукой дольше необходимого, наблюдая, как она убирает инструменты обратно в шкаф ровными, экономными движениями. Впервые за два века совместной жизни он поймал себя на том, что слово «красивые» теперь относится только к этим движениям — а не к тому, что за ними стоит.

## **Глава 5. Подбор**

Зоя пришла на следующий день после занятий, когда класс уже разошёлся.

— Можно спросить не для урока?

Аврора отложила планшет.

— Можно.

— Мне вчера сказали пару. Игната, из инженерного набора. Я его почти не знаю. Он нормальный, наверное. Просто... — она подбирала слово, не поднимая глаз, — просто я не выбирала.

— Никто не выбирает, — мягко сказала Аврора. — В этом и смысл подбора: важно не то, что ты чувствуешь сейчас, а то, что у вас получится вместе через тридцать лет. Совместимость считают по генам и по тому, каким получится следующее поколение. Сегодняшний вечер тут почти ни при чём.

— А как же вы? — Зоя наконец подняла глаза. — Про вас же говорят: выбор, каждый день заново. А у меня таблица.

Аврора помолчала, прежде чем ответить.

— Три поколения назад были годы, когда людям разрешили выбирать всё: пару, детей, семью — целиком, без ограничений. Знаешь, чем это кончилось?

Зоя покачала головой.

— Рождаемость упала настолько, что три палубы опустели за одно поколение. Не запрет любви тому виной — наоборот, её оставили полностью свободной, и свобода выбрала то, что чаще всего выбирает: удобство вместо совместимости, влечение вместо устойчивости. Корабль на девятьсот лет пути не может позволить себе такую ошибку дважды. Поэтому подбор появился не взамен любви. Он появился взамен риска, что любовь снова выберет неверно — в масштабах, которые некому будет исправлять.

— То есть вы с ним, — Зоя кивнула на дверь, за которой недавно прошёл Александр, — вы тоже вместо чего-то?

Аврора взяла со стола стилус, покрутила его в пальцах, положила обратно, так ничего с ним и не сделав.

— Мы — то, что осталось людям вместо права выбирать наугад, — сказала она наконец. — Кто-то должен показывать, что чувство можно не потерять, даже когда за тебя решили важное. Это не обман, Зоя. Это единственная демонстрация, какая у корабля вообще есть.

Зоя взвесила услышанное молча.

— С Игнатом, — спросила она, — можно хотя бы попробовать не торопиться?

— Можно и нужно, — Аврора впервые за разговор улыбнулась не по-учительски. — Подбор даёт вам возможность. Не обязательство прийти к ней за неделю.

— Хорошо, — Зоя встала, отряхнула колени. — Тогда у меня есть тридцать лет, чтобы решить, смешной он или нет. Игнат, я имею в виду. Пока непонятно.

Она ушла — не до конца успокоенная, но чуть менее одинокая в своём разочаровании. Аврора осталась сидеть в опустевшем классе, слушая гул вентиляции. За два века с лишним она ни разу не спросила себя, верит ли в собственные слова — или просто помнит их достаточно твёрдо, чтобы вопрос о вере даже не успевал возникнуть.

• • •

Подбором на корабле руководил пожилой инженер Феликс Орлов — почти тридцать лет на этой должности, и относился он к работе с той усталой добросовестностью, с какой относятся к делу, чья важность давно перестала нуждаться в личном энтузиазме.

Раз в год он собирал таблицы совместимости для нового набора выпускников: генетические профили, психологические тесты, показатели устойчивости к длительной изоляции — десятки параметров, которые алгоритм сводил в итоговые пары.

— Асеева Ирина, Бакулин Родион, — читал он ровным голосом. — Реброва Полина, Ремез Артём.

Худшим в своей работе он давно считал момент объявления, а вовсе не сам подбор: лица подростков менялись тогда от надежды к смирению за те несколько секунд, что требовались на произнесение фамилий.

— Вы не выбираете партнёра, — повторял он классу каждый год одними и теми же отрепетированными словами, но произносил их с неподдельным терпением, — однако вы выбираете, каким станет то, что вы построите из этого назначения. Многие пары, начинавшие с разочарования, спустя десять лет с трудом вспоминают, что когда-то хотели другого.

Сам он верил в это не всегда и не полностью: тридцать лет наблюдений показали ему достаточно случаев, где разочарование так и не переросло ни во что, кроме вежливого сосуществования до конца жизни. Но произносил слова с прежней убеждённой, понимая: правдой они были или нет — сейчас подросткам нужна была опора, важнее безупречной статистики, и именно её они получали.

Историю про Наумовых он пускал в ход чаще, чем сам считал уместным. Верил в неё не безоговорочно — но она работала, снимала часть паники с лиц лучше любого другого довода в его распоряжении. Не будь Наумовых живым примером под рукой, пришлось бы придумывать что-то очень похожее.

О слове  $\Delta$ -12 он не знал ровно ничего.

## **Глава 6. Общий стол**

Раз в месяц, по традиции, восходящей ещё к первым годам полёта, экипаж третьего яруса собирался за общим столом в главной столовой по многолетнему обычаю, слежавшемуся за два столетия до плотности привычки, а вовсе не по приказу.

На этих ужинах Аврора и Александр держались обычными соседями по палубе, а вовсе не почётными гостями. Именно эта обыденность была едва ли не самой странной чертой их положения на корабле: миф существовал для урока, для комиссии, но за общим столом от них никто не ждал демонстрации вечной любви — только обычного соседского участия в разговоре о раскаде и грузовом лифте.

Посреди этой обыденности старик с дальнего конца стола вдруг спросил Аврору напрямую — тем тоном, каким спрашивают соседа о здоровье, а не миф о его подлинности:

— А не надоело за столько лет одно и то же рассказывать детям?

Несколько голов невольно повернулись — с тем особым любопытством, какое вызывают вопросы, которые все думают, но почти никто не решается задать вслух.

— Иногда надоедает, — спокойно ответила Аврора, ничуть не смутившись прямотой вопроса. — Не сама история — она хорошая. Надоедает необходимость рассказывать её заново с одинаковой интонацией, словно в первый раз. Но, наверное, любая работа, которую делаешь два века подряд, рано или поздно требует такого усилия: оставаться свежей — не благодаря собственному ощущению свежести, а потому, что её ценят те, для кого она звучит впервые.

Ответ удовлетворил спрашивающего, и разговор потёк дальше — к урожаю, к грузовому лифту. Но Александр запомнил этот момент дольше, чем следовало бы запоминать случайную застольную реплику: в её ответе он различил то же дрожание тона, которое неделями ловил в куда более интимных обстоятельствах. Не ложь, но и не полная правда — нечто среднее, отточенное годами практики говорить достаточно честно, чтобы не выглядеть уклончивой, и достаточно обтекаемо, чтобы не сказать больше положенного.

• • •

Пробный запуск турбины третьего контура проходил раз в квартал. Александр и Аврора приходили, стояли у панели, слушали, как разгоняется резонанс, и в какой-то момент, всегда на одной и той же частоте, он произносил старую шутку про то, что двигатель по-прежнему слушает его так же плохо, как в первый день.

Пауза перед смехом всегда была её паузой — недолгой, три четверти секунды, не больше. Но именно в ней помещалось всё: узнавание шутки, воспоминание о доке, тень удовольствия от того, что оба всё ещё здесь, всё ещё вместе разгоняют один и тот же контур два века спустя.

В этот раз он специально дождался нужной частоты и произнёс шутку слово в слово. Она рассмеялась — точно там, где нужно, тем же тоном.

Паузы не было.

Форма была идеальной. Просто три четверти секунды, где раньше жило нечто, чему он так и не подобрал названия, теперь заполнил смех сразу, без зазора — без той крошечной задержки, в которой, как выяснилось, и содержалась вся разница между «она помнит эту шутку» и «эта шутка когда-то была для неё живой».

Молодой инженер на вахте из вежливости отвернулся, решив, что стал свидетелем чего-то личного. Александр не стал его переубеждать. Он и правда стал свидетелем личного — просто личным оказалась не нежность, а её отсутствие.

— Резонанс держится, — сказал техник, глядя на приборы. — Всё в норме.

Александр кивнул, соглашаясь. Резонанс контура держался. Резонанс всего остального — он впервые позволил себе подумать об этом прямо — держался, кажется, уже не так, как раньше.

Он посмотрел на Аврору. Она смотрела на приборы с обычным спокойным вниманием: то ли действительно ничего не заметила, то ли не подала виду. Который из двух вариантов пугал сильнее, он решить не мог.

## **Глава 7. Архив**

Личный архив был доступен всем — формально. Практически им пользовались редко: кому охота пересматривать собственную жизнь, если она и так течёт рядом, в реальном времени. Александр не открывал свой архив три года. В этот вечер открыл.

Он листал даты, натываясь то на годовщину запуска, то на чей-то день посвящения, пока не наткнулся на запись без подписи, датированную одиннадцать лет назад: тридцать семь секунд, случайно отснятые кем-то из инженеров, тестирующих камеру в столовой.

На записи Аврора смеялась совсем не так, как на уроке: тем смехом, что вырывается неожиданно, когда суп оказывается пересоленным настолько, что это само по себе становится смешным, — повод находит человека сам, без всякого предварительного согласия с его стороны.

Александр пересмотрел эти тридцать семь секунд четыре раза подряд.

Разницу он по-прежнему не мог назвать словом, но чувствовал так же ясно, как чувствуют перепад давления в контуре за секунду до тревоги: там, на записи, смех опережал повод. Здесь и сейчас смех давно шёл вторым номером, послушно откликаясь на реплику — повод стал обязательным условием, без которого механизм просто не запускался.

Он закрыл архив и посидел немного в темноте отсека, слушая ровный гул вентиляции — тот самый, что дети называли утренним чаем Вечки, хотя сейчас была глубокая ночь по корабельному времени.

Ни к Агнии, ни к кому другому он не пошёл. Просто лёг рядом с Авророй, которая уже спала, и долго смотрел в темноту, зная теперь то, чего не знал утром: то, что он потерял, у него действительно было. Тридцать семь секунд это доказывали.

Если это было — куда оно делось? И можно ли вернуть то, что делось само, тем же способом, каким возвращают севший аккумулятор или сбитую калибровку?

Он не знал. Решил, что узнает.

## **ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПОПЫТКИ**

### **Глава 8. Инжиры**

На Вечке издавна существовало негласное деление, которое ни один официальный документ не признавал кастовым, хотя работало оно именно так. Инженеры — «инжиры» — держали доступ к техническим системам корабля и передавали это право в основном внутри собственных семей: ремеслу учились с раннего детства, у семейного верстака, и дети, не выросшие среди чертежей, редко догоняли тех, кто впитал их с младенчества.

Тим происходил из инженерной семьи в третьем поколении: дед чинил тот же диагностический контур, что теперь обслуживала Агния, а прадед, по семейным преданиям, участвовал в закладке самого корабля. В детской комнате Тима до сих пор висела на стене дедова логарифмическая линейка — вещь давно бесполезная рядом с любым планшетом, но выбросить её ни у кого не поднялась рука. Такое происхождение открывало двери, недоступные детям из немеханических семей, но налагало обязательство иного рода: промах любого инжира ложился тенью на всю касту, не только на нарушителя.

Именно поэтому, задумавшись однажды, стоит ли рассказывать кому-то за пределами семьи о находке, Тим почувствует не только личный страх, но и что-то вроде родового стыда: неверный шаг лёг бы на цепочку дедов и прадедов, чьей репутацией он до сих пор только пользовался, ничем не расплачиваясь.

Агния попала в касту не по рождению — редкий случай, когда способный ребёнок из немеханической семьи пробивался в инженерное ученичество через общий экзамен.

— Знаешь, чем инжир отличается от прочего экипажа? — спросила она Тима однажды, задолго до истории с Δ-12, обучая его азам калибровки. — Не тем, что умеет чинить панели. Тем, что умеет молчать о том, что видит внутри них, пока молчание полезно кораблю, — и говорить, когда полезно обратное. Первому большинство учеников выучивается быстро. Второму — не все и не сразу.

Тим тогда кивнул, толком не поняв, о чём она, и вернулся к панели. Смысл сказанного дошёл до него месяцы спустя — в ту ночь, когда он впервые увидел графу «инициатор изменения» и замер перед выбором, для которого ученичество его так толком и не подготовило.

### **Глава 9. Хранитель и слой**

Про Хранителя Агния рассказала Тиму один раз, в первый год его ученичества, между делом, как рассказывают байку, а не предостережение.

— До Наумовых, — сказала она тогда, — центральной фигурой урока был не миф о любви, а миф о памяти. Паттерн по имени Хранитель, от лица одного из первых архивистов корабля, каждую неделю рассказывал детям историю Земли так, словно помнил её лично: реки, города, всё, чего никто на борту никогда не видел своими глазами. Считалось: пока Хранитель помнит, помнит и корабль.

— И что случилось?

— Генеральная поверка, третье поколение полёта. Комиссия обнаружила, что Хранитель путает даты, путает названия. Признали нефункциональным. Упокоили в тот же день, без отсрочки.

— А что было дальше? С кораблём?

— Три года без центральной фигуры урока. Три года, за которые и случился кризис третьего поколения: свободный выбор пар, падение рождаемости, опустевшие палубы. Совет, вводя подбор и Наумовых почти одновременно, решил: кораблю нельзя больше оставаться без фигуры, которой можно верить безоговорочно. Хранителя заменили — усвоив урок из того, что случилось, когда прежней фигуры не стало.

Тим тогда не придавал разговору особого значения — занятная деталь корабельной истории, не больше. Вес этих слов дошёл до него много позже, ночью на вахте, когда он увидел дату слоя Δ-12: двенадцать лет после закладки, ровно тот срок, что отделял конец Хранителя от начала подбора. Не совпадение. Прямое следствие.

Он спросил тогда, где хранится сам Хранитель.

— В нижнем архивном ярусе, — коротко ответила Агния. — Там же будут храниться все, кого когда-нибудь признают нефункциональными. Я тебе не покажу это место, Тим. Не потому что оно секретно. Человеку, который несёт такое знание, лучше не видеть его своими глазами раньше срока.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.